

ОПЫТ КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА (творческий смысл опыта)

Достаточно тривиальному утверждению: “только опытный человек способен к творчеству”, противопоставляется другое, не менее распространенное суждение: “творить по-настоящему могут только дети, впервые открывающие мир”.

Последнее высказывание основывается на том, что наряду с мастерством, навыками, умением, обретаемым в опыте, формируются схемы, стереотипы, догмы, препятствующие творчеству нового. Это действительно так. И все же попробуем обосновать справедливость первого утверждения. В таком случае необходимо разобраться с пониманием опыта и выявить его творческую суть.

Опыт связывается с житейским, повседневным, с непосредственно в жизни обретаемым, с чувственно-данном. В античности опыт, “эмпейриа” понимается как сфера мнений: либо — изменчивых, ошибочных, фальшивых, либо “достойных похвалы”, то есть “приемлемых видимостей”. Во всяком случае “эмпейриа” противопоставляется “софии”, то есть мудрости, а опытное знание, как неистинное или частично истинное — абсолютной истине. Абсолютная истина дается душе через откровение, изначальную интуицию правды, припоминание...

“Эмпейриа” кроме того связана со случайным, единичным, конечным. Мудрость же, истина — сфера всеобщего. Благодаря памяти в опыте разрозненные чувственные впечатления соединяются между собой, сохраняются важные восприятия, выявляется нечто общее. Нет опыта без памяти: без повторения и сохранения, без установления связей.

Повторение — база подтверждения, обретаемого в опыте. “Опыт по самому своему существу стремится к тому, чтобы быть подтвержденным, и потому становится другим, если подтверждение отсутствует” (Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988. С. 414).

Итак, одно из свойств опыта — выявлять из уникального, единичного устойчивое, повторяющееся, типическое, общее. На этой основе из сферы “доксы” выделяется “эпистема” — промежуточное звено между верованиями и мудростью. Образец эпистемологии — математико-геометрическое знание, род “визуальных идей”.

Казалось бы, выявлением типического, общего, эпистемологического роль опыта должна закончиться. Если считать опыт

базой типизации, то он — лишь низшее, самое ненадежное звено на пути к творчеству, сподручный материал и не более.

Но опыт не только типизирует, он еще и ломает типическое, ниспровергает ложные обобщения, выводит к неожиданному. Вот здесь-то и коренится его творческая сущность.

Готовность к новому, открытость обретается благодаря тому, что опыт индивидуален, связан непосредственно с жизнью индивида. Нельзя чему-либо научиться на чужом опыте. Опыт всегда свой. Он — процесс и результат проживания-переживания. “Опытный человек предстает перед нами как принципиально адогматический человек, который, именно потому, что он столь многое испытал и на опыте столь многому научился, обладает особенной способностью приобретать новый опыт и учиться на этом опыте. Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает, благодаря самому опыту”, — делает вывод Х.-Г. Гадамер (Там же. С. 419).

“Опыт — сын ошибок трудных” — опыт переживания. Переживание — не субъективный (внутренний) образ, а явление самой жизни, включающей рефлексивную и эмоциональную отклик. Действительно, здесь опыт предстает как жизненное, как выражение самой жизни. Причем тотальность жизни предстает в ее индивидуальном выражении.

Учитывая эту особенность опыта, нельзя согласиться с Х.-Г. Гадамером, что в опыте не обретается знание. Здесь знание особого рода, прежде всего — самопознание. Через страдания, ошибки, крушение иллюзий человек постигает свои пределы, свое собственное — имманентное. Опыт оказывается этическим понятием, так как в опыте воспитывается, обновляется, очищается душа, создается личность и индивидуальность. Душевное очищение необходимо для встречи с истиной, для откровения иному. Выявив пределы своего бытия, границы, отделяющие человека от божественного, осознав свою имманентную сферу, индивид устремляется за эти границы, к иному, к жизни — вообще, к бытию. В переживании жизнь сама себя открывает: “Мы совершенно имманентно через переживание и самооткровение убеждаемся в ее присутствии и лишь в этой форме она становится нам очевидной” (Франк С. Л. Непостижимое//Сочинения. М., 1990. С. 306). Таким образом через самопознание обретается и знание жизни, бытия-вообще.

Знание, обретаемое в опыте-переживании, получает новое качество. Это не понятие, не чувственный образ, а “живознание”, “знание-жизнь”. В нем уже нет разрыва внутреннего-внешнего, гносеологии-онтологии, субъекта-объекта. Здесь обна-

руживается “присутствие объекта в самом процессе знания” (Н. О. Лосский), или сам процесс знания принадлежит бытию (Н. А. Бердяев и др.). В живознании обнаруживается “имманентное самооткровение реальности” (С. Л. Франк). Самобытие индивида раскрывается как само бытие, происходит совмещение подлинно-конкретной всеобщности с подлинно-конкретной индивидуальностью. Имманентное открывается трансцендентному.

В таком случае “опыт” становится понятием религиозным. Ведь суть религии — в восстановлении прерванной связи между человеком и Богом, имманентным и трансцендентным, жизнью людей и жизнью-вообще (природой), единичным и всеобщим. Религия не противостоит жизни, а только в ней и есть. Опыт ведет через открытость иному, к самооткровению и к откровению трансцендентного.

Итак, важнейший вывод опыта — откровение. Но ведь откровение — обретение мудрости, истины. Именно возможность откровения делает опыт основой творчества. Само же творчество в таком случае оказывается не выдумкой, не иллюзией, не фантомом, не созданием нового “из ничего”, а открытием потаенного, отворением, раствором, выявлением неявленного, откровением сокрытого, то есть “просветом Бытия”, обретаемым в опыте.

С. А. Ковальчук
Пермь

ВРЕМЯ И КУЛЬТУРА

Время как элемент теоретической системы связано, с одной стороны, с объектом, но, с другой стороны, и с субъектом, который создает его. Вследствие этого на рассмотрение времени будут оказывать влияние временные представления субъекта, которые во многом формируются под влиянием культуры. Вот почему любая концепция времени существует в определенном контексте культуры. Человек приобщается к миру посредством культуры, поэтому и представление времени также неизбежно опосредовано культурой. Культура, в этом отношении, предваряет любой познавательный акт. Опосредованное культурой представление времени логически предшествует эмпирическому созерцанию временных аспектов событий и дискурсивно-понятийному рассуждению о времени.